

ТРУД И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Г. Ю. КАНАРШ

Исследование роли культурных установок в процессах социального развития — один из главных трендов современной эпохи. В их числе — отношение к труду. В настоящей статье будет предпринята попытка выявить взаимосвязь между отношением к труду и особенностями развития российской экономики. Ключевой вопрос, который возникает в этой связи — ценностно-мировоззренческие предпосылки модернизации, в рамках которых видится и оценивается настоящее, прошлое и будущее России.

Постановка проблемы

Труд и отношение к труду — важнейший параметр экономики и ключевой фактор социально-экономического развития. Характер такого отношения весьма различен в разных странах и регионах мира. Наиболее процветающие регионы (Западная Европа и Северная Америка) традиционно отличаются и наиболее развитой культурой труда. Динамично развивающиеся сегодня общества Восточной и Юго-Восточной Азии также характеризуются высокой культурой трудовой деятельности. Другие страны и регионы мира, включая Россию, не демонстрируют высокого уровня трудовой мотивации (за исключением некоторых периодов российской истории).

Российские экономисты обращаются к указанной проблеме, пытаясь ответить на вопрос, в чем причина подобного отставания, и как можно увеличить производительность труда в России. Например, в работе В.С. Филиппова делаются важные выводы о том, что чрезвычайно низкая производительность труда в СССР, а затем в России (отставание в десятки раз от развитых стран Запада) обусловлены не столько наличием устаревших средств производства или недостатком современных методик эффективной организации труда, сколько *качественными характеристиками самих работающих*. «В России низкая производительность труда наблюдается не только в обрабатывающей промышленности, в которой это можно объяснить устаревшими средствами производства, но и в сфере услуг, где доля труда выше. Качество рабочей силы зависит как от профессиональных (образовательных) качеств, так и от личностных, определяемых генетическими особенностями».

ми и воспитанием»¹. Выход из данного положения, в соответствии с культур-центристской парадигмой, видится в том, чтобы при помощи разного рода мероприятий менять сложившееся отношение населения к труду. «Задача формирования рационального мышления и воспитания духа трудовой этики среди населения является важнейшей задачей для России... Возможно принятие своего рода национальной программы по формированию у населения положительного отношения к труду»².

В значительной мере соглашаясь с автором данной работы в том, что касается характеристик труда в России, поставим под сомнение тезис о том, что воспитание населения в духе трудовой этики и пропаганда соответствующих ценностей существенным образом может улучшить отношение к труду. Упования на культурные изменения в данном случае не менее утопичны, чем надежды на эффективность универсальных методов менеджмента, которые, как показывает тот же В.С. Филиппов, практически не дают результата в российских условиях³. Наша точка зрения состоит в том, чтобы, отчасти примирившись с фактом отставания в социально-экономической сфере, понимая его причины, попытаться найти определенные ресурсы развития внутри собственной культуры. Полагаем, что такого рода ресурсы (психологические и ценностные) есть у России, проблема лишь в их недостаточной актуализации.

Догоняющая модернизация или поиск собственных ресурсов развития?

Полагаем, что вопрос о поиске национальных ресурсов развития должен решаться в контексте рассмотрения более общего мировоззренческого вопроса о *характере российской модернизации*, который в имплицитном виде возникает в работе цитированного выше автора. Это — фундаментальный вопрос о том, в каком направлении следует развиваться, тесно связанный с вопросом об общей оценке исторического пути, пройденного Россией. Здесь до сих пор господствует представление о догоняющем характере модернизации России, о безальтернативности движения по пути западной цивилизации, и в целом — о неспособности страны, в силу причин природного, исторического, социокультурного характера, к серьезным историческим изменениям.

Приведем два примера подобного восприятия траектории исторического развития России. Один пример из работы экономистов

и социологов, другой — из сравнительного исследования по социальной истории России и США. Так, авторы главы по российской экономической ментальности коллективной монографии под ред. Р.И. Нуреева (2003) называют целый ряд причин социально-экономического отставания России, среди которых выделяют: 1) мобилизационно-коммунальная производственная среда; 2) православная этика; 3) догоняющая модернизация; 4) советский «эксперимент». По логике авторов: Россия, обладая изначально крайне неблагоприятной для экономического развития территорией (холодный климат, зона рискованного земледелия) выработала соответствующие формы социально-экономической организации в виде общинного владения землей, мощного централизованного государства и раздаточной экономики (термин исследователя О.Э. Бессоновой), которые и становились тормозом для развития экономики и свободного предпринимательства. Попытки преодоления отсталости, начиная с реформ Петра Великого, приводили лишь к усилению авторитаризма и еще большему закреплению населения, и данная тенденция — хотя и в других формах — сохранилась в XX в., в эпоху социалистической модернизации. Религиозный фактор также не способствовал выработке норм, необходимых для эффективного труда и развития свободного предпринимательства, поскольку православие в силу своей специфики всегда было ориентировано больше на потусторонние, чем посюсторонние, земные, цели. Делая прогноз в отношении будущего экономического развития России, авторы утверждают следующее: «Сложность выбора пути реформирования российской экономики заключается в том, что, в то время как российская экономическая культура больше тяготеет к восточному типу, более привлекательным и престижным для России традиционно остается Запад, за основу реформирования в ходе российских модернизаций все время брались западные модели. То же самое происходит и сегодня. Этот вывод, в свою очередь, позволяет утверждать, что в ближайшие годы российские экономические реформы неизбежно будут наталкиваться на “эффект постизма”, “налог прошлого”, “постсостояния” в массовом сознании. Он заключается в резком противоборстве старого и нового, противоречии между радикальным отторжением старого (“дурное отрицание”) и стремлением к максимальному его удержанию как чего-то стабильного, стойкой и привычной опоры. Это пример того, как “предыдущее тащит назад”, когда прежние структуры и образы мышления стремятся обрести новую жизнь в новых структурах и новом мышлении»⁴. И, несмотря на то, что общий вывод авторов

цитируемого исследования выглядит достаточно оптимистичным (хотя и трудно согласиться с тем, что культурная модель экономики России близка конфуцианской модели⁵), в целом «дух» данного исследования, как и многих других, выполненных в русле либеральной экономической парадигмы, оставляет ощущение некоторой безысходности.

Тем же неизбежным «духом» отставания России от передовых стран Запада проникнута и книга историка И. М. Супоницкой, посвященная сравнительному анализу в исторической ретроспективе двух социальных систем — России и США. Супоницкая приводит целый ряд обстоятельств, которые, с ее точки зрения, обусловили исторически успешное развитие Соединенных Штатов Америки, и, напротив, тех, которые создали условия для «хронического» отставания России на путях социально-экономической модернизации. Если предельно обобщенно выразить суть данной позиции, то она заключается в следующем: экономический успех «лидера» западных демократий опирается прежде всего на индивидуализм и культуру свободного предпринимательства, исторически изначально присущие Соединенным Штатам, которые сразу, с момента своего основания, развивались как общество эпохи Нового времени⁶. Напротив, неудачи российской социально-экономической модели связаны в первую очередь с неразвитостью *индивидуальной свободы* в условиях общинного землевладения и крепостничества (включая новые формы несвободного труда, возникшие в рамках советской административно-командной системы). Несвобода означала отсутствие необходимых стимулов для развития производственной деятельности. «Отсутствие материальной заинтересованности, личной ответственности работника сказывалось на производительности... Эта ситуация сохранилась и в советский период. Неорганизованность, халатность, безответственность, непрофессионализм рабочих объясняются в первую очередь несвободным характером труда»⁷. Именно это обстоятельство — свобода, экономическая самостоятельность работника в США и отсутствие таковой в России — обусловили, по мнению Супоницкой, коренные различия в *национальных характерах американца и русского*, сделав первого прагматиком и историческим оптимистом, верящим в прогресс, а второго — человеком с противоположными качествами, фаталистом, который больше надеется на удачу, а не на жизненный успех. В итоге исследователь подводит к выводу: «...пока приходится признать: рыночной экономике и рациональному сознанию, основанному на индивидуалистических ценно-

стях, нет *достойной альтернативы*, ибо традиционное общество с коллективистскими ценностями и преобладанием эмоциональной жизни явно исчерпало себя, что видно на примере России; индивидуалистическая же культура при всех ее минусах доказала свою жизнеспособность и гибкость» (курсив мой. — Г. К.)⁸.

Отметим, что обе цитированные работы отличаются как стройной логической последовательностью своей аргументации, так и внешней убедительностью выводов. Однако думается, что логичность далеко не всегда оказывается мерилом истины. Сегодня в литературе можно найти более сложный и диалектичный взгляд на особенности российской истории и культуры, позволяющий в значительной мере скорректировать сложившиеся представления. Например, в одной из глав монографии по истории и культуре русского мира, историк-американист А. В. Павловская стремится опровергнуть миф о том, что культура предпринимательства в принципе чужда русскому человеку и русскому характеру. «Идея о том, что предпринимательство по своей природе чуждо русскому человеку, не более чем миф. Любое крестьянское хозяйство в своей основе было предпринимательской деятельностью»⁹. Предпринимательский характер деятельности крестьянина проявлялся, по мнению Павловской, в необходимости постоянно координировать работу членов (обычно многочисленной) крестьянской семьи, принимать рациональные хозяйственные решения, а также — участвовать в торговле и отхожих промыслах. Поэтому не случайно, что именно крестьянство стало «основным поставщиком русских предпринимателей в XIX в.»¹⁰

Тем не менее было бы неверным говорить о какой-либо идеализации русского крестьянина или о том, что его предпринимательская активность есть *то же самое*, что и предпринимательство западного европейца или американца. Безусловно, различия весьма существенные. Прежде всего это проявляется в известном отношении русских к деньгам и богатству. Если для представителей протестантских культур Европы и Америки характерно почитание богатства и своего рода культ денег, то для россиянина, напротив, традиционно свойственно *негативное отношение к богатству*, понимание его как чего-то греховного. В этом сказалось как влияние ценностей православия с его приоритетом духовного по отношению к материальному, так вероятно и понимание непрочности всего, что связано с богатством в суровых природных условиях России. Поэтому, как отмечает Павловская, «трудно представить себе в России национальный эпос, где герои озабочены, например, поиском золота нибелунгов»¹¹. То же самое можно сказать и про

отношение к труду. Русские, всегда жившие в трудных природно-климатических условиях, и как следствие этого — в условиях общинного быта (возникновение общины во многом было обусловлено потребностью в выживании социума в условиях суровой природы), как считается, *не видели особого смысла* в напряженной трудовой деятельности, поскольку всегда был риск утраты результатов труда из-за непредсказуемости погодных условий, а кроме того, трудно было стать по-настоящему богатым в условиях общинных передельных порядков.

Важно отметить еще одно обстоятельство, связанное со спецификой предпринимательской деятельности в России. Для русских предпринимателей традиционно была характерна сильная *социальная направленность*. С одной стороны, русские купцы известны своим мотовством и расточительством, с другой — эти же люди проявили себя как величайшие меценаты, жертвовавшие огромные средства на развитие культуры. И если сравнивать в этом отношении русских и американских предпринимателей, то русские, несомненно, отличались большим бескорытием, не были столь же прагматичны и политически ангажированы, как их американские «коллеги»¹². Думается, что у русского мотовства, как и у русской щедрости, единый национально-характерологический «корень», и одного не было бы без другого.

Каков же вывод? На наш взгляд, несмотря на определенное сходство оценок, налицо достаточно отчетливое *смещение акцентов*: в России были свой труд и свое предпринимательство, ей не чужд «предпринимательский дух», хотя он и не получил такого характера и «размаха», как, например, в Соединенных Штатах Америки. Более того, русское предпринимательство исторически имело свои преимущества перед западным, что выразилось, прежде всего, в его социальной направленности. Такой подход, на наш взгляд, позволяет отойти от сугубо критического взгляда на историю российского социально-экономического развития и признать факт *иных особенностей культуры, национального характера*, которые придают России историческое своеобразие.

В поисках национальной модели социально-экономического развития

Если перейти от исторических реалий к современности, то нас будет интересовать вопрос о *наиболее оптимальных формах трудовой деятельности*, и шире — о социальных формах организации хозяйственной (экономической) жизни. Это непростой вопрос,

поскольку современная Россия является обществом переходного типа, и многое, что являлось традиционным для нее, оказалось утраченным в результате разного рода социальных «ломок» и трансформаций, а новое (если иметь в виду Россию постсоветскую) еще не сформировалось. Данный вопрос, на наш взгляд, является ключевым, поскольку речь идет о *важнейших параметрах трудовой деятельности*, включая условия ее экономической эффективности.

В уже упоминавшемся нами исследовании, посвященном российской экономической ментальности, на основе данных опросов, проведенных в России в 1990-е гг., был сделан вывод, что Россия по типу экономической культуры в большей степени тяготеет к Востоку. Как полагают авторы, из трех основных известных в мире успешных моделей хозяйственной деятельности (*североамериканской протестантской, европейской католическо-протестантской и конфуцианской*) именно конфуцианская модель, с присущим ей коллективизмом и высокой «дистанцией власти» представляет своего рода образец, на который следует равняться России. Возможно, этот вывод в определенной мере соответствует представлениям о себе россиян 1990-х гг., однако в более поздних исследованиях выявляются уже иные тенденции. Так, в результатах опросов Института социологии РАН отмечается неуклонное нарастание индивидуализма в России, что в большей мере соответствует статусу общества как *переходного*. При этом многое, что внешне соответствует модернистским тенденциям, по сути, оказывается *более традиционным или даже архаическим* – своего рода российской инверсией западного опыта¹³. Если же говорить о собственно социально-экономических параметрах, то и здесь результаты представляются весьма интересными. Как демонстрируют «карты ментальных различий», разработанные на основе методик этносоциолога Г. Хофштеде, Россию трудно отнести однозначно к Западу или Востоку, но по целому ряду параметров она все же сближается с Западом. Ее ближайшими «соседями» при этом оказываются такие страны, как Израиль, Бельгия, Венгрия, Франция и Италия. Как отмечают авторы исследования, «поэтому на вопрос о том, является ли Россия европейской страной, можно дать ответ в следующей форме: “Да, является примерно в той же степени, как и Израиль”»¹⁴.

«Любопытно, – продолжают социологи ИС РАН – что за последние десятилетия в поисках ответа на вопрос: “С кого делать жизнь”, россияне пытались ориентироваться на американскую

либеральную модель, на германское социальное рыночное хозяйство и т.д., но про Израиль никто не вспоминал. Между тем израильский опыт сочетания “нормального” предпринимательства и “коммунистических” кибуцев, свободного рынка труда и сильной системы социальных пособий, эффективной борьбы с реальным терроризмом и периодического “превышения меры самообороны” *может дать богатую пищу для размышления о путях и перспективах развития России в условиях рыночной экономики*» (курсив мой. — Г.К.)¹⁵. В пользу данного вывода свидетельствуют и такие общие для обеих стран особенности, как *полиэтнический состав населения, большая доля выходцев из России и бывшего Советского Союза*, а также наличие *значительного аграрного сектора* в структуре экономики обеих стран¹⁶.

Важно, что социально-экономическая ситуация израильского общества характеризуется *многоукладностью*, включающей в себя «пласты»: современный (и даже ультрасовременный, если иметь в виду новейшие технологии) и традиционный (религиозные ультраортодоксы, влияние которых на общество весьма значительно). При этом здесь мы видим наличие как рыночных, капиталистических форм хозяйствования, так и форм изначально социалистических (израильские сельскохозяйственные общины-поселения — *кибуцы и мошавы*, а также мощная система *профсоюзных организаций* — так называемая израильская Федерация труда «Гистадрут»¹⁷). Таким образом, если следовать выводам социологов, Израиль представляет собой достаточно удачную модель «смешанной» экономики и социальной организации общества, на которую в какой-то степени может ориентироваться сегодняшняя Россия.

В то же время остается вопрос о том, какие конкретно формы организации хозяйственной жизни нужны России, учитывая ее социокультурную специфику и статус среднеразвитой в экономическом отношении державы. Здесь, на наш взгляд, должны быть задействованы разные теоретические позиции и подходы. Так, с одной стороны, есть позиция, которую условно можно назвать «мейнстримом» современной социально-теоретической и экономической мысли и которая опирается на новейшие тенденции в развитии глобального капитализма. С другой стороны, есть позиции левых и леволиберальных авторов, а также консервативно (традиционалистски) ориентированных мыслителей, взгляды которых, на наш взгляд, способны существенно дополнить и отчасти скорректировать либеральный мейнстрим. Учет разных

точек зрения позволит найти решение более сбалансированное, и избежать крайностей.

Итак, в первую очередь то, о чем пишут авторы, придерживающиеся магистральной линии. Здесь важны работы социальных философов, показывающих, что новая индустриализация России (реиндустриализация), о необходимости которой в последние годы много говорят, должна осуществляться в новых формах и не быть «повторением пройденного». Речь идет о формировании новых *промышленных индустрий* (ПИ), которые в современных развитых и развивающихся странах пришли на смену традиционным индустриальным производствам (ИП). Как отмечают авторы, *«производящая индустрия с ее наукоемкими продуктами может рассматриваться как вторая ступень после традиционной не наукоемкой, а трудоемкой, индустрии, и предшествующая постиндустриальным обществам*. Представляется, что ПИ – это нечто, идущее вслед за ИП (индустриальным производством прежнего типа)»¹⁸. По мнению В.Г. Федотовой и В.А. Колпакова, опирающихся на результаты, полученные американским Институтом глобальных исследований МакКинси, развитие новых промышленных индустрий является сегодня общемировым трендом, которого следует придерживаться в экономической (промышленной) политике и России. Важность этого подхода видится не только в том, что он позволяет преодолеть иллюзию о наступающем постиндустриализме как обществе *без* промышленного развития, но и в том, что он позволяет в значительной мере скорректировать *социальные издержки* концепции постиндустриального общества. Так известная формула занятости постиндустриализма (20:80) толкуется в данном контексте иначе¹⁹: 20% населения будут востребованы производством нового типа, но и оставшиеся 80% не окажутся «за бортом», их роль будет заключаться в обслуживании и создании услуг по улучшению качества жизни тех, кто войдет в первую категорию (работающих в промышленном производстве)²⁰.

Безусловно, данная концепция является рациональной и достаточно привлекательной с точки зрения ее последствий для общества. Указывается и на особенности, которые следует учитывать при ее воплощении в России²¹. Однако в целом проект реиндустриализации, предлагаемый этими авторами, оставляет впечатление, что есть надежда на то, что капитализм «все устроит», в том числе решит существующие в обществе социальные проблемы. Важно только найти «хорошо работающую» практическую модель, концепцию. Отдавая дань эвристичности данного подхода, считаем, что он

должен быть дополнен идеей *сильной социальной политики* (на что указывают левые и леволиберальные авторы). Можно согласиться с Р.С. Гринбергом в том, что «новый тип экономической политики — леволиберальный — должен включать в себя реиндустриализацию экономики посредством промышленной политики и стратегического планирования, введение прогрессивной шкалы налогообложения личных доходов, отказ от коррупционных законов и институтов, значительные преференции для среднего класса, увеличение в 2–3 раза бюджетных расходов на образование, науку, здравоохранение и культуру, рост гражданского самосознания и возрождение местного самоуправления»²². Нам кажется, что «чисто» капиталистическая концепция, хотя и обращает внимание на важность социальных последствий развития экономики, не учитывает в полной мере той роли, которую должно играть государство в вопросах уменьшения дифференциации доходов.

С учетом российской социокультурной специфики важной представляется концепция консервативных авторов, предлагаемая учеными Центра динамического консерватизма (руководитель — В.В. Аверьянов). Авторы предлагают в качестве работающего высокоэффективного хозяйственного механизма такую традиционно российскую форму, как производственная, или предпринимательская, артель. Эвристичным представляется вывод о том, что «артель по отношению к семье и общине представляла собой форму частичного “открепления”, и в ней было выражено *поисковое начало*, народное предпринимательство... В артели русский народ шел на эксперимент, риск, социальное творчество, оттачивал мастерство, развивал предприимчивость, пылливо изучал общественную жизнь, природу, экономику России, особенности ее регионов. Недаром за большинством артельных занятий закрепилось наполненное глубоким смыслом понятие “*промысел*”»²³. Прямым аналогом русской артели являлась практика бригадного подряда в бывшем СССР, а «артельный параметр» оказывается неожиданно востребованным сегодня в новейших западных теориях по *командообразованию в корпорациях*, в которых, подобно артели, команда «понимается как “живая структура”, способная к синергетическим эффектам»²⁴. Перед нами — попытка возрождения идей *социального органицизма*, которые оказываются удивительно созвучными русскому национальному характеру²⁵ и идеям новой Современности.

Наконец, последнее, на что хотелось бы обратить внимание — *национально-психологические предпосылки* повышения качества трудовых мотиваций. Как показывают исследования, российское

население по-прежнему остается крайне чутким к вопросам несправедливости общественно-политического устройства. Предельно обобщая, можно сказать, что труд в России, для того чтобы он стал осмысленным и эффективным – остро нуждается сегодня в новых социальных и экономических проектах, политических механизмах, императивом для которых стало бы не столько получение прибыли, сколько задача сделать российское общество *более честным и более справедливым*. Только при условии *обретения справедливости как новой «большой цели»* для российского общества (новой национальной идеи), русский человек будет готов жить со смыслом в душе и полноценно трудиться²⁶.

Выводы

1. Проблема преодоления низкой эффективности труда и экономического отставания упирается не только в отсутствие массовых трудовых мотиваций, наподобие западных или восточноазиатских, но и в неадекватность существующих концепций догоняющей модернизации, остающихся едва ли не доминирующими в российском общественно-политическом дискурсе.

2. Решение может состоять, во-первых, в замене данных концепций более сбалансированными, что позволит изменить вектор социально-экономического развития, во-вторых, в многостороннем учете реалий российского экономического и социокультурного развития.

3. Это ориентирует на поиск взаимодополнимости разных социально-экономических моделей – либеральных, социал-демократических, консервативных – и прежде всего на поиски путей реализации *многоаспектной идеи социальной справедливости*, остающейся главным идейно-ценностным приоритетом современного российского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Филиппов В.С. Среда технологий и пути развития производственного комплекса в России // «Экономика для человека»: социально-ориентированное развитие на основе прогресса реального сектора. Материалы Московского экономического форума / под ред. Р.С. Гринберга, К.А. Бабкина, А.В. Бугалина. – М.: Культурная революция, 2014. С. 547.

² Там же. С. 548.

³ Там же.

⁴ Балабанова Е.С., Латов Ю.В., Латова Н.В. Особенности российской экономической ментальности // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / под ред. Р.И. Нуреева. 2-е изд., испр. и доп. В 3 ч. Ч. 1. – М.: МОНФ, 2003. С. 153–154.

⁵ См. там же. С. 179.

⁶ См.: Супоницкая И. М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 242.

⁷ Там же. С. 254–255.

⁸ Там же. С. 259–260.

⁹ Павловская А. В. Русский мир: характер, быт и нравы. В 2 т. Т. 2. – М.: Слово, 2009. С. 270.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 274.

¹² Там же. С. 302–303.

¹³ Например, оговаривается, что внешнее изменение параметра «дистанция власти» в сторону его снижения, что соответствует современным демократическим нормам, на деле не отменяет традиционной для России иерархической (статусной) модели взаимоотношений между управляющими и управляемыми (см.: Модернизация и характеристики российской национальной ментальности // Готово ли российское общество к модернизации? // под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2010. С. 281–283. О подобного рода инверсиях на большом историческом материале см., например: Королев С. А. Псевдоморфоза в истории России // История модернизации как предмет социально-философского анализа / отв. ред. В. Г. Федотова, В. А. Колпаков. – М.: ИФРАН, 2014. С. 88–117.

¹⁴ Модернизация и характеристики российской национальной ментальности. С. 290.

¹⁵ Там же. С. 290–291.

¹⁶ См. там же. С. 291.

¹⁷ См.: Израиль. Общество. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_coli/er/570/%D0%98%D0%97%D0%A0%D0%90%D0%98%D0%9B%D0%AC

¹⁸ Федотова В. Г., Колпаков В. А. Экономика и демократия в проекте модернизации России // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 324.

¹⁹ В постиндустриальном обществе только 20% населения (это высококвалифицированные работники) оказываются нужными новой экономике.

²⁰ См.: Федотова В. Г., Колпаков В. А. Экономика и демократия в проекте модернизации России. С. 327.

²¹ Речь идет о том, что в России ключевым в экономическом развитии остается фактор государства. См.: Колпаков В. А. Социально-философский анализ новой реиндустриализации России как часть глобального сценария // Материалы международной научной конференции «Россия в глобальных сценариях XXI века». 11 апреля 2014 г. / под общ. ред. Н. Г. Багдасарьян, В. Г. Федотовой. – Дубна: Междунар. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 2014. С. 43.

²² Гринберг Р. С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. – М.: Магистр; ИНФРА-М, 2012. С. 410.

²³ Аверьянов В. В. Русская артель. Невостребованный опыт: из прошлого в будущее? – URL: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2014_03/9.pdf

²⁴ Аверьянов В. В. Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек / сост., введение В. В. Аверьянова, отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 631.

²⁵ Момджян К.Х. Антропологический аспект российской самобытности // Этнос, нация, ценности: социально-философские исследования / науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С. 151–152.

²⁶ См.: О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Кrumm, Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2013.

REFERENCES

Averianov V.V., Venedictov V.Y., Kozlov A.V. Artel and the Artel people. Comp. and intr. by V.V. Averianov. O.A. Platonov (ed.). Moscow, Institute of Russian civilization, 2014. 688 p. Available at: http://www.rusinst.ru/docs/books/Artel_i_artelnyi_chelovek.pdf (in Russian).

Averianov V.V. *Russian Artel. Unclaimed experience: from past to future?* Available at: http://www.intelros.ru/pdf/svobodnay_misl/2014_03/9.pdf (in Russian).

Balabanova E.S., Latov Yu.V., Latova N.V. Features of the Russian economic mentality. In: *Economic actors in post-Soviet Russia (institutional analysis)*. R.I. Nureev (ed.). Vol. 1. The 2-d edition. Moscow, MONF [Moscow public science Foundation]. 2003, pp. 58-83. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/347/652/1219/chap2.pdf> (in Russian).

Fedotova V.G., Kolpakov V.A. Economy and democracy in the project of modernization of Russia. In: *Knowledge. Understanding. Skill*. 2013. No 1, pp. 323-332 (in Russian).

Filippov V.S. Environment of technologies and ways of development of the industrial complex in Russia. In: «Economics for humans»: a socio-oriented development based on the progress of the real sector of economic. Proceedings of the Moscow economic forum. R. S. Grinberg, K. A. Babkin, A. V. Buzgalin (eds.). Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia [The Cultural revolution]. 2014, pp. 543-550 (in Russian).

Grinberg R.S. *Freedom and justice. Russian temptations of false choice*. Moscow, Magistr; INFRA-M, 2012. 416 p. (in Russian).

Israel. Society. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_colier/570/%D0%98%D0%97%D0%A0%D0%90%D0%98%D0%9B%D0%AC (in Russian).

Kolpakov V.A. Sociophilosophical analysis of the new re-industrialization of Russia as a part of a global scenario. In: *Proceedings of the international scientific conference «Russia in global scenarios of the XXI century»*. 2014. April, 11. N.G. Bagdasaryan, V.G. Fedotova (ed.). Dubna, International University of nature, man and society «Dubna». 2014, pp. 38-45 (in Russian).

Korolev S.A. Pseudomorphosis in the history of Russia. In: *History of modernization as a subject of socio-philosophical analysis*. V.G. Fedotova, V.A. Kolpakov (eds.) Moscow, Institute of philosophy RAS, 2014, pp. 88-117 (in Russian).

Latova N.V. Modernization and features of the Russian national mentality. In: *Is Russian society ready for modernization?* M.K. Gorshkov, R. Krumm, N.E. Tikhonova (eds.). Moscow, Ves mir, 2010, pp. 273-297 (in Russian).

Momdjan K.Kh. The anthropological aspect of Russian national originality. In: *Ethnos, nation, values: social-philosophical studies*. K.Kh. Momd-

jan, A.Yu. Antonovskii (eds.). Moscow, Kanon+, ROOI «Reabilitatsiia», 2015, pp. 144-165 (in Russian).

Pavlovskaja A.V. *Russian world: character, way of life and morals*. Vol. 2. Moscow, Slovo [The Word]. 2009. 544 p. (in Russian).

Suponitskaia I.M. Equality and freedom. Russia and USA: a comparison of systems. Moscow, ROSSPEN [Russian political encyclopedia], 2010. 302 p. (in Russian).

What Russians are dreaming about: ideal and reality. M.K. Gorshkov, R. Krumm, N.E. Tikhonova (eds.). Moscow, Ves mir, 2013. 400 p. (in Russian).

Аннотация

Проблема сравнительно низкой эффективности труда в России рассматривается в контексте анализа теоретических концепций, заключающих в себе разные представления о характере ее модернизации. Автор пытается отстоять точку зрения, согласно которой важнейшей задачей теоретической мысли сегодня является не критика российского развития с позиций теории догоняющей модернизации, а поиск внутренних оснований развития, необходимость опоры на ресурсы собственной культуры.

Ключевые слова: труд, экономическая культура, модернизация, русский мир, национальный характер, ментальная динамика, капитализм, социал-демократия, консерватизм.

Summary

The article concerns the problem of the relatively low efficiency of labour in Russia in the context of the analysis of the theoretical concepts, which include different ideas about the character of its modernization. The author tries to defend the point of view, according to which the most important task of the social theory today is not a criticism of Russia's development from the standpoint of the theory of catch-up modernization, but rather the search for the inner grounds of development, the necessity of relying on the resources of one's own culture.

Keywords: labor, economic culture, modernization, the Russian world, national character, mental dynamics, capitalism, social democracy, conservatism.